

Умоляю тебя, прекрати вселять в меня надежду

1

«Я вернусь завтра. Примерно в двенадцать часов. Тогда ты и получишь свой ответ.»

Такую записку я оставил на чайном столике Микоко-тян. Добраться на «веспе» до Хорикавы Ойкэ получилось меньше чем за десять минут, так что времени было ещё достаточно.

Я проснулся в восемь часов утра. Я вышел на пробежку, чтобы скоротать время, о чём я потом пожалел. Миико-сан пригласила меня на завтрак, поэтому я пошёл к ней и поел. И кормили меня не японской, а буддистской вегетерианской едой. Как итог, запах был так себе, но её было много, так что она хоть как-то утолила мой голод.

— Ну, мне нужно идти на работу, — сказала она примерно в десять часов и ушла.

Я вернулся к себе, чтобы убить время. Я пытался играть с ферзями, как и раньше, но мой мозг не работал нормально, отчего я сдался на пятом ферзе. Я перешёл к задаче о миссионерах и людоедах, но опять застрял на середине. Вот был бы у меня компьютер, я мог бы скоротать время за видеоиграми. Наверно, настало время пойти к Кунагисе и получить свой компьютер. Но сокращать свободное пространство, чтобы получить способ убить время, было не самой лучшей идеей. К тому же время течёт с одинаковой скоростью независимо от того, что ты делаешь. И как я сказал Микоко-тян, мне не особо не нравилась скука и я привык к ожиданию.

Как любой ребёнок с поверхностным остроумием, я прочёл «Маленького принца» в раннем возрасте. Я не понял его. Люди вокруг меня тогда говорили: «Ты поймёшь, когда вырастешь.» Недавно я вспомнил об этом и попробовал прочесть его снова. И я всё ещё не понял его.

— Дзэродзаки ушёл из Киото... и нет способов связаться с Айкавой-сан... а Кунагиса затворница.

У меня не было ни одного нормального знакомого. Конечно, я никогда не хотел себе такого. Но порой эта мысль приходила ко мне. Я был всего лишь одиноким парнем, пытающимся жить, но вместо этого гниющего в клетке.

— Ситуация безнадёжная.

Выходит, что у парня вроде меня, простого персонажа в этом огромном мире не было ни единого способа посмотреть на себя с высоты птичьего полёта. Особенно когда, как сказала Айкава-сан, я не главный и даже не второстепенный персонаж, а всего лишь шутник. Я просто сидел в углу вдали от мира и неуклюже обсуждал эту историю.

И нечто настолько фактическое нельзя даже назвать самоунижением.

— Ну, наверно, пора идти.

Сейчас было одиннадцать часов. Всё ещё рано, но я решил, что меня не станут ругать за то, что я пришёл пораньше. Я вышел из квартиры и прошёл к парковке. Я завёл двигатель

винтажной «веспы» и надел шлем. Он был стильным и меньше того шлема, который Микоко-тян оставила у меня вчера. Я никак не мог заставить его смотреться на мне, но размер был как раз, так что он будет выполнять свою первичную функцию, что было хорошо.

Вперёд! Я проехал по улице Сэнбон и свернул на восток по улице Марутамати. Затем я снова повернул на восток по улице Хорикава и поехал дальше.

Приятное ощущение от разрезания воздуха. Я почти мог забыть о том, что я жив.

Как я и ожидал, я доехал до Ойкэ за десять минут. Я припарковал «веспу» на подземной парковке и поставил его на замок, вышел с парковки и подошёл ко входу в здание.

— Неужто я впустую потратил целый час в прошлый раз?

Воспоминание эо было постыдным. Мой мозг имел привычку вспоминать только подобное. Наверно, лучшим, что я мог сделать, так это учиться на этих воспоминаниях и не повторять те же ошибки.

В этот раз я без остановок вошёл внутрь. Я быстро кивнул камере видеонаблюдения и вошёл в лифт.

К этому моменту.

К этому моменту я всё ещё ни о чём не думал.

Как ответить на её признание.

Какие слова нужно использовать, чтобы ответить на её влечение.

Я ни о чём об этом не думал.

— Просто шучу.

На деле я давно всё решил. У меня было для неё лишь одно слово. Тут не над чем думать. Если подумать о том, кто я, а кто Микоко-тян, и совместить эти мысли вместе, то ответ появится сам по себе, как математическое выражение. Конечно, реальность вообще не похожа на выражение. Реальность больше похожа на определение последнего числа, выбирая между чётной и нечётной цифрой на последней позиции числа «пи». В это же время я стоял где-то на вершине глупости, в далёком космосе со своими выражениями, формулами и расчётами и пытался найти площадь треугольника, умножая его сторону на высоту и деля это всё на два.

Я всегда в конце передумывал, независимо от принятого решения, так что то, о чём я думал, было в своём существовании несущественным.

Я вышел из лифта на четвёртом этаже и пошёл по коридору.

— Комната номер три?

Моя память сбоила, но прозвучало это правильно. Интересно, спит ли она ещё? Она явно не была человеком с низким кровяным давлением, а потому проснуться она должна без труда, но с учётом её плохого чувства времени я сомневался в том, что она жаворонок. Я нажал на кнопку на её интеркоме.

Ответа не было.

И ответа не просто не было: реакции вообще никакой. Ни шума изнутри. НИчего.

— Как странно...

Я снова нажал на кнопку.

Без изменений.

Я не мог почувствовать никаких движений внутри.

Беспокойно. Беспокойно. Беспокойно.

Моё сердце забилося сильнее.

Моё тело резко стало сильнее.

Я продолжал нажимать на интерком. Один раз, два, три, четыре.

Я перестал считать после пятого раза.

Я чувствовал это.

Не подозрение, а предчувствие.

Но оно ближе к предвидению.

— Словно смотреть фильмы, концовки которых ты уже знаешь, в режиме марафона.

Именно так ведь та прорицательница описывало это?

Как нечто, чего нельзя коснуться с другой стороны топа.

Внезапно я понял её чувства, чего я вообще не хотел делать.

Аой Микоко.

Моя однокурсница.

Всегда радостная, порой грустная.

Девушка, сказавшая, что

Я ей нравлюсь.

А теперь был образ.

Сцена, которую я оставил где-то позади.

Ностальгичный вид.

Вид, который какое-то время бл ко мне очень близок.

Который я забыл где-то по пути.

Который было необязательно вспоминать.

Ужасный,

Отвратительный

Вид.

Смерть.

Небытие.

...

Я пробурчал ругательство и открыл вderь в комнату Микоко-тян.

Аой Микоко была мертва.

2

Ужасный вид. Опустошающий вид.

Я встал, как вкопанный, в центре комнаты Микоко-тян. Это всё, что я мог сделать.

Мне тошно. Мне тошно. Мне тошно.

Мне тошно. Мне тошно. Мне тошно.

Мне тошно. Мне тошно. Мне тошно.Eiffelzick.

Я схватился за грудь.

Мне было очень плохо.

Я будто случайно подавился совершенно не съедобным объектом. Мои глаза уставились на кровать. Микоко-тян лежала на ней.

Спала.

Можно ли это назвать сном?

Даже если её тело перестало функционировать.

Даже если пульса больше нет.

Даже если у неё есть малозаметные отметины на шее, оставленные тканью.

Даже если её глаза больше никогда не откроются.

Даже так никакое другое слово я не мог подобрать.

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук. Мне тошно. Меня шатает. Меня шатает. Меня шатает. Всё крутится. Всё вертится. Это безумиебезумиебезумиебезумие.

Или это я тут обезумел?

Моё сердцебиение зашкаливало.

Было тяжело дышать.

Было тяжело жить.

Я подумал, что я могу умереть.

Мои глаза горели изнутри.

Моё сердце изнутри замерзло.

Я попытался проглотить, чтобы успокоиться, но всё тщетно. Это была агония. Агония. Агония.

— Аой Микоко... — сказал я, пытаюсь объявить это себе, — убили.Плюх.

Я действительно упал, там же, где и стоял, прямо на свой зад.

Я привык к смертям людей.

Я даже привык к смертям близких мне людей.

Смерть была чем-то близким для меня.

И даже так это было больно. Больно. Слишком больно.

Это было мучительно.

Возможно, я никогда не смогу это забыть. Забыть «саму смерть» Микоко-тян, выжженную на моих сетчатках в тот же миг, как я вошёл в комнату. Я вряд ли забуду её безжизненный, безмозглый труп.

Каким-то образом я смог не потерять сознание. Я вновь сместил взгляд на тело Микоко-тян. Она лежала на кровати лицом вверх. Её обрюзгшее, фиолетовое лицо искажено агонией. Знание того, какой была её улыбка, сделала только хуже.

Она уже не носила свой вчерашний комбинезон. Теперь на ней был белоснежный топ без плеч и такого же цвета, но с более выраженным молочным оттенком, длинную юбку. Я заставил себя перестать думать о том, что её одежда похожа на погребальный наряд.

Я затем я вспомнил. Этот наряд был одним многих, которые купила Микоко-тян вчера во время нашей прогулки. И он же был последним купленным. Она надела его и спросила: «Как я выгляжу?»

Тогда устав от надуманных ответов, я посмотрел на неё и сказал: «Хорошее сочетание.»

Это был тот самый наряд.

Когда я принёс её домой прошлой ночью, я, само собой, не заставил её переодеться. Я просто борсил её на кровать в том, что она надела. Это должно было значить, что потом она проснулась и переоделась.

А потом...

Что заставило её надеть именно это? И кого она ждала? Сила моего воображения уже была полностью истощена.

А затем я увидел красные буквы прямо у её головы.х/у.

Это была та самая формула, которую мы нашли в квартире Томоэ-тян.

— Да тут повсюду написана бессмыслица.

Я вытащил свой мобильник. Я набрал номер по памяти и набрал его. Она подняла трубку на первом гудке.

— Саса на линии.

— Здравствуйте...

— А, это ты, — сказала Сасаки-сан до того, как я мог назвать своё имя. Видимо, она может вспомнить человека лишь по его голосу. А разговаривали мы лишь единожды. Не будь обстоятельства такими, какими они были, меня бы это впечатлило. — В чём дело? Ты что-то вспомнил?

Она была спокойна. Это даже оскорбляло. Это было спорно. Спорно.

— Сасаки-сан, эм, да, ну... Аой-сан...

— Что-что? Прости, но я не слышу тебя. Не мог бы ты говорить громче? Что с Аой-сан?

— Ну... её убили.

На другом конце провода что-то изменилось.

— Где ты сейчас?

— В квартире Аой-сан.

— Мы скоро будем.Щёлк. Звонок оборвался так же резко, как человеческая жизнь. Я стоял там с телефоном у моего уха. Микоко-тян всё ещё лежала передо мной.

— Господи... — сказал я её телу. Это было бессмысленно. Бессмысленно и глупо. — Что я вообще собирался сказать тебе?

Микоко-тян.

Я никак не мог избавиться от этого мерзкого чувства в своём желудке. Никак.

Полиция вломилась в квартиру менее чем за десять минут.

— Ты в порядке? — Сасаки-сан увидела меня. Наверно, я выглядел чертовски опечаленным,

потому что она искренне волновалась за меня. — Ты в порядке? — повторила она. Будучи не в силах ответить словесно, я просто поднял руку. Она увидела это и кивнула. — Давай мы выведем тебя отсюда. Ну же, скорее.

Опираясь на плечо Сасаки-сан, я вышел в коридор. Полицейские выходили один за другим из лифта. А Кадзухито-сана нет. Он не пришёл? Может быть, он был где-то ещё и занимался чем-то другим. Может быть, а может и нет.

— Агх-х-х... — Моя грудь болит. Моя грудь болит. Моя грудь болит. — Агх-х-х-х-х...

Мне тошно. Мне тошно.

Мне действительно было тошно.

Боль, будто моя грудь горела, будто мои внутренности разворотили, будто что-то в моих кишках чертыхалось, испило моей крови и пришлось по всему моему телу.

Жжётся-жжётся-жжётся-жжётся.

Боль сводила меня с ума.

Сасаки-сан вывела меня из здания и помогла мне сесть на заднее сиденье её «тойоты краун». Она села на водительское кресло.

— Тебе полегчало? — спросила она, повернувшись ко мне.

Я в тишине покачал головой.

— Ясно. — Она с подозрением в глазах посмотрела на меня. — Я думала, что тебе по зубам вид трупа. Даже если этот труп был твоим другом. — Она перестала говорить вежливо. — Видимо, ты чувствительнее, чем мне показалось. Вид у тебя был такой, будто ты умираешь.

— Да, спасибо. Сочту за компли—

Только я хотел закончить, как мне захотелось вырвать. Я прислонил кисть к своему рту. Я никак не мог выблевать своё печенье в машине Сасаки-сан. Как-то я смог взять под контроль свои внутренности. Вот чёрт. Я не мог даже рта открыть.

Сасаки-сан покачала, слегка разочарованная:

— Ты до жути бесхребетный. Я поражаюсь тем, что Дзюн-сан в тебе души не чает.

Стоп, а разве не Айкава-сан говорила о том, что она дружит с Сасаки-сан? Попытка вспомнить эту совершенно не важную деталь помогла мне слегка отвлечься. Я выпрямился и навалился спиной на сидение. Я глубоко вдохнул.

— Да, я очень хрупкий. Конечно, я не могу сказать, виновата в этом моя хрупкость, хилость или мягкотелость...

— Да о чём ты говоришь? Чушь какую-то несёшь.

— Попрошу подождать до следующего раза. До следующего раза, хорошо? Я сейчас в крайне не обычном состоянии, так что не могли бы вы подождать до следующего раза, прежде чем решать, кто я такой? Мне сейчас не очень. — Я простонал и закрыл глаза.

Сасаки-сан немного помолчала.

— Сейчас мы будем у тебя спрашивать об обстоятельствах этого дела. Это значит, что я должна привести тебя в полицейский участок. Выдержишь?

— Думаю, всё будем нормально, если вы будете осторожно водить.

— Хорошо. Я постараюсь вести как можно ровнее.

Она повернулась к рулю и начала водить. Квартира Микоко-тян исчезла из виду очень быстро. Со своего места я не мог разглядеть спидометр, но стиль вождения Сасаки-сан, судя по реакции моего тела на движение машины, нельзя было назвать «осторожным».

— Сасаки-сан, для вас в порядке вещей сторониться места преступления?

Моя работа больше направлена на интеллектуальный труд, нежели на подобное.

— Звучит как-то, ну... — Я хотел сказать, что это звучит так, будто мы поладим, но я остановился. Под каким углом ни посмотри, мы ни за что не поладили бы. — Эм, Сасаки-сан?

— Да, что такое?

— Откуда вы знаете Айкаву-сан?

Она затихла, хотя представить выражение её лица было легко, а затем ответила:

— Иногда я обращаюсь к ней за помощью. Да, вот и всё. Ты вообще смотришь детективные сериалы или что-то похожее?

— Я что-то о них слышал.

— Тогда ты знаешь, как часто детектив приходит к информатору за информацией, которая не совсем легальна? У нас всё как-то так. У нас типа деловые отношения.

Это объяснение было до одури грубое. Точнее, она будто вообще не хотела это объяснять. Повторюсь, Айкава — женщина непостижимая, так что, возможно, выбора тут и не было.

— Нет, я не имею ввиду нечто настолько определённое, — сказал я. — Вы можете рассказать мне нечто более абстрактное? Например, как вы её видите?

— Нам обязательно говорить об этом прямо сейчас?

— Это может отогнать мои мысли кое от чего. — И я не шутил. Если меня в кратчайшие сроки не отвлекут, то мой желудок рванёт. — Прошу вас, я умоляю. Просто расскажите что-нибудь.

— Ты ведь в курсе, что ставишь мне сложный вопрос? — сказала она через некоторое время. — Например, ты бы поверил в историю о человеке, принявшего выстрел в упор из обрез и выжил? Или в историю о человеке, способном идти сквозь шторм или через очередь из винтовки с обычным выражением лица? Или в историю о человеке, выпрыгнувшем из сорокового этажа горящего здания и ушедшем без единой царапины? Ты ведь не поверил бы? Что бы я не рассказывала о Дзюн-сан, все думают, что я вру. Так что это сложно обсуждать.

— ...

Я в точности понял, как она себя чувствовала, поэтому я не стал давить на неё дальше.

Через ещё десять минут мы доехали до полицейского участка. Она повела меня в здание участка.

— Похоже, сейчас ровно полдень — обед. Может, ты хочешь есть? — спросила она.

— А можно отведать кацудон или типа того?

— Не вижу причин отказываться. Но тебе потом выставят счёт.

Гемор тот ещё.

— Тогда неважно, — сказал я, покачав головой. Если бы я сейчас попытался что-то съесть, то я просто выблевал бы это. Это я мог сказать с долей уверенности.

— Ну, тогда пройди в эту комнату и подожди меня. Мне нужно по-быстрому отчитаться. Буду через две минуты.

Она завела меня в маленькую комнату для переговоров, а сама пошла по коридору. Это хотя бы не комната для допросов, подумал я, садясь на стул.

Я хочу закурить, проскочила на миг эта мысль.

Но я никогда не курил.

Было ли мне скучно?

Пытался ли я убежать от реальности?

Или у меня были суицидальные наклонности?

Если бы меня спросили, то я бы сказал, что каждый из этих вариантов вполне возможен.

Но это всё бессмысленные мысли.

И это всё уходило куда-то не туда.

Ещё один толчок, и это существо, известное как «я», это состояние оборвётся.

— Прости за ожидание, — сказала Сасаки-сан, как только вернулась. Она несла что-то, обёрнутое в розовое. — Ты как? Вид у тебя от часа к часу всё хуже и хуже. Ладе твои ладони потеют.

— Простите, но не могли бы вы показать мне, где здесь туалет?

— Далее по коридору и направо. В самом конце, так что не пропустишь.

— Спасибо, — сказал я и побежал прочь из комнаты, прикрывая ладонью рот в попытках побороть тошноту.

Я нашёл туалет именно там, куда мне она указала, вошёл в одну из кабинок и выблевал всё, что скопилось у меня в желудке.

Отвратительные звуки, звучавшие не как моя рвота, выходящая из моего горла, заполнили комнату. Во рту остался привкус кислоты. Я блевал так сильно, что мне показалось на миг, что мои кишки перевернулись. постепенно я глубоко вздохнул и встал на ноги, вытирая рот платком.

Я смыл рвоту.

Пронесло...

Я дошёл до раковины и умылся. Я набрал немного воды в ладони и промыл свой рот. Я посмотрел на собственное отражение в зеркале. Так, я выглядел так, будто я совсем скоро откинусь, но мне хотя бы сейчас гораздо лучше, чем несколькими мгновениями ранее.

— Ладно, — сказал я.

Освежившись, я вышел из туалета и дошёл до комнаты, в которой Сааки-сан всё ещё ждала меня.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Всё нормально. Я проплевался и теперь мне намного лучше.

— Заметно. Держи. — Она поставила упакованный предмет передо мной. — Это мой обед. Будешь?

— А можно?

— Денег с тебя я не возьму, не переживай. — Она села на стул, стоящий напротив меня. Я любезно принял её обед. Это был весьма обычной бэнто, но сейчас мой желудок был пуст. Я съел его очень быстро.

— Итак, — сказала она, как только я доел, — что вообще происходит?

— Именно это я и хочу знать.

— ... — С виду слегка поражённая моими словами, она промолчала и уставилась на меня грозным взглядом. Я оптрянул и сместил свой взгляд. — Ну тогда, пожалуйста, поделись со мной фактами. Говори как есть.

— Эм, для этого мне нужно вспомнить прошлую ночь, так что это будет долго.

— Начинай. Мы с тобой будем проводить много времени вместе, пока не распутаем это дело. — Она слегка улыбалась. Но её глаза мне не улыбались, что пугало. Я решил на какое-то время перестать говорить загадками и говорить ей всё прямо.

— Вчера мы с Аой-сан пошли гулять. Мы были в Синкёгоку. А потом, эм, она выпила слишком много.

— Неужели?.. А потом? — Она смотрела на меня в ожидании прокола. Она определённо не собиралась отпускать дело о распитии алкоголя несовершеннолетними. Я понял, что расслабляться нельзя.

— Да, поэтому я отнёс её обратно в её квартиру. Я вошёл, вытащил ключ от квартиры из её сумки и положил её на кровать. Затем я сел на автобус, ехавший в мою сторону. — Я пропустил

ту часть истории, в которой я встретил Айкаву-сан, считая, что это необязательно упоминать. — После этого я просто лёг в кровать, как обычно.

— Ты закрыл квартиру, прежде чем уйти?

— Да. Её «веспа» всё ещё стояла на парковке около моего дома, поэтому я собирался вернуть и ключ, и «веспу» эмо— сегодня. А сегодня я приехал к ней на «веспе». Когда я открыл дверь и вошёл, ну, я увидел то же, что и вы.

— Хм... а дверь? Она была заперта?

— Что? — Я смотрел на неё так, будто этот вопрос застал меня врасплох. Я состроил лицо, словно я копался в своей памяти, на пять секунд. — Нет, она не была заперта. Я не припомню, чтобы я пользовался ключом.

— Понятно, — кивнула она, хотя на её лице всё ещё было подозрение.

— Точно, там ведь полно камер видеонаблюдения. Думаю, они смогут подтвердить мою историю, если вы взглянете на записи.

— Скорее всего. Мы уже связались с управляющими, чтобы получить их, — холодно сказала она. — А теперь, только не подумай, но ты ни к чему не прикасался на месте преступления?

— Нет. Прозвучит убого, но я просто окаменел. Я не смог даже подбежать к Аой-сан.

— Твоё действие было к месту, — сказала она. Затем она закрыла глаза и начала думать.

Значит, «интеллектуальный труд» был основной частью её работы. Это было более чем ясно с того момента, как она пришла ко мне домой. Её ум, больше похожий на ум шахматиста, невозможно забыть, даже если ты будешь пытаться об этом забыть.

— Я даже к телу Аой-сан не прикасался. А она вообще была мертва?

— Да. Это я могу подтвердить. Она уже два или три часа как была мертва. Нам придётся дожидаться результатов вскрытия, прежде чем подтвердить некоторые детали, но считается, что убийство произошло между девятью и десятью часами утра.

— Моежт, это будет бесполезно, но...

— Смелей. Ничто в этом мире не бесполезно.

Именно эту фразу мне захотелось как-нибудь повторить. Но я сомневался, что парень вроде меня вообще получит шанс сделать это.

— Когда я положил её на кровать прошлой ночью, Аой-сан носила комбинезон. Но сегодня она была не в нём. Поэтому мне кажется, что это означает, что она в какой-то момент проснулась. Утром или посреди ночи. А я дверь закрыл, поэтому, возможно, Аой-сан сама впустила убийцу.

— Так...

— Да, вот ещё что: одежду, которая на ней была сегодня, она купила вчера, пока мы ходили за покупками.

— И вправду, — кивнула Сасаки-сан. Я заметил, что она ничего не записывала. Да и когда она

была у меня, она ничего не писала. Она просто слушала меня.

— У вас очень хорошая память?

— Что, прости? Ах, да. Это помогает работе, — ответила она, будто в этом нет ничего особенного. Но для меня такая память была поводом завидовать.

— А ещё я завтракал у соседки между девятью и десятью часами утра, так что, думаю, у меня есть алиби.

— Вижу, — с отсутствующим интересом кивнула она. Она будто хотела сказать, что есть вещи и поинтереснее моего долбаного алиби для неё. — Знаешь, когда ты впервые позвонил, я подумала, что ты мог быть убийцей.

— ... — Это внезапное заявление застало меня врасплох. — А вы прямолинейны. Простите, если я слегка удивился.

— Да, лучше бы так и было. Но это так. Я так и подумала, и я точно не пытаюсь ничего скрыть. Я подумала, что ты убил её, а затем попытался сделать вид, что ты нашёл её тело. Но, видимо, тебе действительно стало плохо, и оружия, несмотря на время смерти и прочее, на месте преступления не было. И это означает, что ты чисто физически не мог это сделать.

— ...

— Конечно, если ты прямо сейчас не скрываешь его где-нибудь в одежде.

— Хотите проверить?

— Нет, обойдусь, — сказала она, но это никак нельзя было назвать пренебрежением долгом. Сасаки-сан уже проверяла меня, пока она выводила меня из квартиры Микоко-тян. Видя, что я не мог идти сам, она подставила мне своё плечо. Это была доброта, скрещённая с проницательностью.

Это меня особо не напрягало.

— Боже, спасибо, — сказал я.

— Я уверена, что твоя невиновность будет безусловно доказана, как только время смерти будет официально установлено и мы просмотрим записи с камер. Но не раньше. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Как ты считаешь, кто это сделал?

Я уже дважды отвечал ей на этот вопрос при разных обстоятельствах.

— Ну... Я не знаю.

— Никто на ум вообще не приходит?

— Никто, — сразу же ответил я. — Точнее, мы с Аой-сан вообще не были близки. Мы лишь недавно начали тусоваться и куда-то ходить вместе.

— Позволь мне выразиться прямее, — сказала она. — Вы с Аой-сан были влюблены?

— Ответ: нет. Нет и всё тут. Я даже не уверен, что мы даже друзьями были.

— Ох, теперь понятно. Дзюн-сан ведь говорила, что ты «такой»? — пробубнила она, явно удовлетворённая тем объяснением, которое она вспомнила.

— Айкава-сан? Что она сказала обо мне?

— Этого я тебе сказать не могу. — Поддразнивание этого заявления определённо меня беспокоило, но до меня дошло, что это тоже могло оказаться частью стратегии Сасаки-сан, поэтому я действовал осторожно, чтобы этого не коснуться. Но представить, какие суждения обо мне сделала Айкава-сан, всё равно было легко.

После этого Сасаки-сан задала ещё несколько сложных вопросов и закончила их фразой: «Ясно.»

— А у тебя есть какие-либо вопросы ко мне? — добавила она.

— Нет. В этот раз никаких, — сказал я, немного подумав. — Мне бы хотелось вернуться домой и отдохнуть как можно скорее.

— Понятно. Ну, на сегодня это всё. Позволь мне отвезти тебя.

Она встала со стула и вышла из комнаты. Я последовал за ней, и мы вместе вышли из здания. Войдя в её «краун», я занял то же самое место сзади. Сасаки завела машину и ускорила ещё сильнее, чем в прошлый раз.

— Накадатиури? Не Сэнбон?

— Да.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Блевание на удивление помогло.

— Знаешь, — сказала она безэмоциональным голосом, — я не могу не думать, что ты всё ещё что-то скрываешь от меня.

— Скрываю? Я?

— Это я и сказала.

— Нет, ничего такого. Как видите, я всего лишь честный, безобидный и порядочный молодой человек.

— Да неужели? — сказала она с долей сарказма. — Для меня ты точно нетак выглядишь, но это, видимо, так и есть, раз уж ты сам так говоришь.

— Вы будто хотите этим что-то сказать.

— Нет, ничего. Если для тебя всё так, то это, наверно, потому, что у тебя сознание виновного. Хотя я сомневаюсь, что честный, порядочный молодой человек станет незаконно пробираться на места преступлений.

— Ох.

Кто-то выпустил кота из мешка.

Естественно, я был готов к такому с самого начала, но Сасаки-сан точно подловила меня. В документах от Кунагисы не было ни слова об этом, поэтому вообще не было ясно, раскрыли меня или нет.

Она продолжила, смотря прямо на дорогу:

— В любом случае, пожалуйста, просто расслабься. — Она будто видит меня насквозь. — Эта информация дальше меня пока никуда не ушла.

— Вас?

— Это я и сказала. — Её голосу не хватало интонаций, но в нём была какая-то язвительность. Да, это очень напоминало о величайшей частнице человечества. — Я не знаю, что заставило тебя проникнуть в комнату Эмото-сан, но советую тебе быть более осмотрительным в своих действиях. Считай это советом.

— Не предупреждением?

— Нет-нет, всего лишь советом.

Но в её словах было нечто враждебное. Да, я сделал это на скорую руку, а её отношение к этому было полностью оправданным, но всё же.

— Сасаки-сан, я хочу спросить... почему эта информация «пока что» не ушла дальше вас?

— Ну, у меня свои методы. В детали вдаваться не буду, но я всего лишь хочу, чтобы ты знал, что у меня над тобой преимущество. Вот и всё. Но прошу, не забудь об этом.

Я мог лишь вздохнуть. Мои плечи опустились, а энергия вышла из тела. Опять эта чёртова последовательность? Почему я встречаю только таких людей?

— Все, кого я знаю, либо чрезвычайно умны, либо имеют ужасные личности. У них, чёрт возьми, у всех был один и тот же типаж. Мне хочется хотя бы раз встретить кого-то приятного. И мне будет плевать, если этот кто-то будет тупым.

— Что ж, — сказала Сасаки-сан, даже не выдавив ухмылку, — мне жаль слышать это. Но я намерена менять свою позицию.

И мы доехали до перекрёстка Сэнбон Накадатиури.

— Не хотите войти внутрь? — спросил я.

— У меня работа, — ответила она. Я не посчитал это ни неприятным, ни обратным.

Она открыла окно.

— Как думаешь, что значит «х больше у»? — спросила она.

— Общайте меня, — ответил я после мимолётного рассуждения. Я знал, что мой ответ её не устроит. Но она просто кивнула, закрыла окно и снова поехала на своей машине.

Я постоял некоторое время не двигаясь, затем почувствовал чистую ненужность собственного бездействия. Я вернулся в здание, прошёл по коридору второго этажа и вошёл в свою комнату.

В это тихое место.

Ни единого звука.

Ни единого человека.

Комната, в которую дважды заходила Аой Микоко.

Один раз я поставил яцухаси, а она пришла с бататами.

Меня не цепляла сентиментальность. Но я и не был ни пессимистом, ни романтиком. Скорее, я был сбившимся с пути тривиалистом.

— Наверно, нельзя сказать, что это был тот ещё сюрприз, — пробубнил я. — И я не скажу это. Нет. Нет, не скажу.

Я вспомнил свой разговор с Микоко-тян из вчерашнего дня. Разговор, который больше не повторится.

— И всё это было бессмысленно?

Можно поспекулирвоать касательно чувств Микоко-тян к своему убийце. Она наверняка не сопротивлялась. Может быть, обвиняла, но не более. Именно такой девушкой я видел её.

Там должно было быть что-то.

Что-то, что я должен был ей сказать.

Что я вообще должен был сказать ей вчера?

— Всё равно собирать осколки разбитого зеркала, — сказал я себе.

Мой ужасно вялый монолог. Я понял, что это, видимо, была такая ситуация, в которой люди обычно рыдают. Человек за моим плечом явно думал так.

Ночь наступила.

Миико-сан зашла в мою комнату. Вид у неё был взволнованный.

— Поешь, — сказала она, протягивая мне миску рисовой каши. Выражение её лица было невинным, но глаза её выдали её серьёзность. Зная, что этот жест она сделала от всего сердца, я почувствовал себя виноватым.

Боже. У скольких людей я уже вызвал грусть?

— Спасибо большое. — Я съел немного каши ложкой, которую Миико-сан дала мне (у меня были только палочки), чем сильно помогла. Повар из неё был не самый хороший, но каша была очень вкусной.

— Что-то случилось? — не спросила Миико-сан. она никогда не задавала такие вопросы. Она просто была соседкой, тихо присматривавшей за мной. Соседкой в самом настоящем смысле слова. Это, наверно, полностью отличалось от настоящей доброты, но она всё равно была доброй.

А Микоко-тян случаем не делала мне тот же комплимент? Не говорила, что я добрый?

— Микоко-тян... она умерла, — сказал я без подготовки.

— Ясно, — кивнула Миико-сан. Прозвучало это так, будто она не особо думала об этом. — Той ночью, когда та девушка осталась у меня в комнате, она была очень ворчливой, как только проснулась. Поначалу я думала, что это было последствием похмелья, но на это было не похоже.

— ...

— Я спросила её: «Как ты?» И она ответила: «Это худшее утро в моей жизни...» Так всё и было.

— Немало, — сказал я. — Спасибо большое, Миико-сан.

— А у тебя жизнь поди не сахар? Дорога, по которой ты идёшь, не крутая, а шаткая и хрупкая. Но ты всё равно идёшь по ней и не подскальзываешься. И меня это искренне впечатляет.

— Я уже давно как подскользнулся и упал. Но у этого пути какое-то странное притяжение, и сейчас я держусь его обочины.

— Что бы там ни было, но сейчас тыходишь в решающую фазу, — сказала она слегка глубоким голосом. Это прозвучало почти как угроза. — Если ты сейчас ослабишь хватку, то ты не справишься. Всё, что ты пережил и над чем ты работал, развалится и утонет. Тебе, наверно, всё равно, но просто помни: твоя жизнь — не то, что ты сделал сам полностью. Не забывай, что есть те, кого ты сам тем, что ты живой.

— Нет таких людей. — Наверно, от моего заявления сквозит самоуничижением. Наверно, из-за этого Миико-сан одарила меня жалеющим взглядом.

— Твоё бремя слишком тяжёлое, — сказала она. — Не думай, что ты очень сильно влияешь на людей. Лишь слабые краснеют на пути с алым. Пока ты можешь изучать их суждения, на тебя будет тяжелее влиять. Твоё существование — не помеха для других.

— М-м-м. Наверно, нет.

В конце было лишь невероятное самоопределение.

Жив я или нет, разницы нет.

Мир продолжит жить, даже если убийца придёт по мою душу.

— Но я уверена, что есть те, кто любит тебя. Есть те, кого влечёт тебя, несмотря ни на что, и это точно так. Это часть цикла мира. Возможно, сейчас ты этого не понимаешь, но запомни мои слова. Когда-нибудь ты поймёшь. Хотя бы поживи подольше.

Те, кого влечёт ко мне в любом случае.

Сегодня одна из них умерла.

И сколько таких людей осталось?

— Я не скажу тебе держать нос по ветру. Эту проблему ты должен решить сам. Просто знай, что смерть юной девушки произошла не из-за тебя. Это точно. У моего мнения нет никаких

оснований, но я всё равно в этом уверена... Ке, кто умирает, просто умирают.

— Но... всё так, будто я её убил, — сказал я.

— Правда?

— Ну, нет, но если...

Если.

Если бы я не оставил её одну в её квартире, если бы я не ушёл домой или если бы я протосо притащил её к себе, всё могло бы сложиться по-другому.

— А я говорю, что ты слишком много берёшь на себя. Ты понимаешь бессмысленность подобных мыслей?

— Да. Но, Миико-сан, я хотел ей кое-что сказать.

Последнее.

Я так и не сказал ей это.

— Бесполезно жалеть о сделанном. Это всё, что я могу тебе сказать. — Её взгляд немного гулял. — Ещё я забыла сказать тебе это сегодня утром. Судзунаси написала письмо. Она попросила меня передать это тебе.

— Это от Судзунаси-сан?

Она кивнула. Я выпрямился. Судзунаси-сан вряд ли была сейчас в этой комнате, так что незачем было это делать, но нечто в этом имени просто заставило меня рефлекторно выпрямиться. Нечто в этой Судзунаси Нэон.

Миико-сан открыла рот:

— Есть два вида людей: те, кто пугает тем, что не знают, что они сделают, и те, кто пугает, потому что они знают, что будут делать. Но ты вообще не пугаешь, так что тебе не нужно об этом думать.

— Я это запомню.

— Запомни. Она сказала, что навестит нас в следующий раз после похода в Хиэй, так что почему бы не пойти всем вместе на обед? Мне кажется, она хочет прочесть тебе хорошую лекцию.

— Ну, на лекцию я приду. Но я точно не откажусь от обеда. Просто...

— Что?

— Не, ничего. Спасибо большое за еду.

Я вернул ей миску с кашей. Она взяла её, пожелала спокойной ночи и вышла из моей комнаты. На спине её дзинбэя было написано слово «непостоянство». Его я видел уже во второй раз.

— Без шуток... — пробурчал я. Это существование доставляло немало хлопот. Наверно, пора бы

уже выслушать лекцию длиной в целый день от Судзунаси-сан.

Но.

— Но я правда не хочу опять идти в тот ресторан.

Когда же вся эта кутерьма с разумом над телом кончится?

Я не знал.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3995001>